

СОЦИОЛОГИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

И. С. Кон

ТРИ В ОДНОМ: СЕКСУАЛЬНАЯ, ГЕНДЕРНАЯ И СЕМЕЙНАЯ РЕВОЛЮЦИИ

В отличие от политической революции, которую часто, хоть и неправомерно, отождествляют с захватом власти, социальная революция подразумевает радикальные сдвиги, происходящие относительно быстро, но достаточно длительное время. Это не событие, а процесс. С этим ограничением можно утверждать, что во второй половине XX в. на Западе начались и до сих пор продолжаются три глобальные революции — сексуальная, гендерная и семейная. В этой статье, резюмируя многочисленные, в том числе собственные (Кон 2004; 2009а; 2009б; 2010) исследования, я пытаюсь обобщить внутреннюю взаимосвязь и макросоциальные последствия этих процессов.

Ключевые слова: сексуальность, репродукция, гендерный порядок, брачно-семейные отношения, индивидуализация.

Keywords: *sexuality, reproduction, gender order, marriage, family, individualization.*

Сексуальная революция

Пик первой из этих революций, сексуальной, в развитых странах Запада приходится на 1960–1970-е гг. Ее главные исторические предпосылки (индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением и появление эффективной контрацепции) и конкретные поведенческие результаты (снижение возраста сексуального дебюта, отделение сексуального поведения от брачного, рост числа до- и внебрачных связей, ослабление двойного стандарта и т. д.) хорошо изучены. За поведенческими сдвигами стоит глубокий дискурсивный процесс *отделения сексуальности от репродукции.*

Филогенетически сексуальность была вспомогательным механизмом репродукции: сексуальное удовольствие, вероятно, возникло как награда за примерное (= успешное) репродуктивное поведение. Базовые различия мужских и женских сексуальных стратегий, которые эволюционная психология выводит из особенностей отцовского и материнского родительского вклада, в общем и целом, сохраняются и у современного человека (Buss 1998; Schmitt 2003). Однако сексуальность полифункциональна. Уже у высших животных она имеет важные знаковые (пенильный дисплей у приматов, из которого в дальнейшем развились фаллические культы) и коммуникативные (сексуальные привязанности как элемент формирования внутригрупповой иерархии у бонобо) функции.

Чтобы уловить разницу между сексуальным и репродуктивным поведением на мотивационном уровне, человеку достаточно сопоставить, сколько детей он сознательно, а не потому что «так получилось», зачал и произвел на свет, с тем, сколько раз на протяжении жизни и для чего он осуществлял те или иные сексуальные действия. Но поскольку репродуктивные аспекты сексуальности биологически и социально наиболее важны, от них зависит сохранение вида и популяции, они всегда и везде подвергались более тщательному и строгому социальному регулированию. Нерепродуктивным, гедонистическим аспектам сексуальности культура уделяла значительно меньше внимания, антисексуальные культуры даже считали их «противоестественными». Человеческому обществу потребовалось так много времени для легитимации страсти и романтической любви именно потому, что они, при всем их различии, подрывали социальный порядок и делали мир непредсказуемым. Лишь в новейшее время общественное сознание Запада признало, что сексуальность сама по себе не направлена на деторождение, не нуждается в оправдании и является самоценной.

В конце XX в. под *мотивационное* разделение сексуальности и репродукции была подведена и *материальная* база. С одной стороны, эффективная контрацепция позволяет людям заниматься сексом, не опасаясь нежелательного в данный момент зачатия. С другой стороны, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) и экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) сделали принципиально возможным «непорочное зачатие», без какого бы то ни было сексуального общения и контакта родителей. Первый младенец в результате оплодотворения *in vitro* появился на свет в 1978 г. Хотя ЭКО вызывает много религиозно-этических и правовых вопросов, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ни физическое здоровье, ни психическое развитие детей, зачатых с помощью ЭКО (в мире насчитывается свыше 4 миллионов таких людей), принципиально не отличается от тех, которые были зачаты

естественно. Разработчик этой технологии, к огорчению Ватикана, получил в 2010 г. Нобелевскую премию.

Эмансипация сексуальности от репродукции повлекла за собой разграничение понятий и критериев *сексуального и репродуктивного здоровья* (ВОЗ разрабатывает эту проблему с 1974 г.), причем первое понятие значительно шире второго. Это важно не только для развития здравоохранения, но и для массового сознания. В рекламе средств поддержания и продления сексуальной функции деторождение, как правило, даже не упоминается. В системе прав человека появилась категория *сексуальных прав*, включающих право на сексуальную свободу, автономию, интимность, удовольствие, эмоциональное самовыражение, свободный и ответственный репродуктивный выбор, сексуальную информацию, основанную на научных исследованиях, всеобъемлющее сексуальное образование и охрану сексуального здоровья (Декларация Всемирной сексологической ассоциации, Валенсия, 1997).

Одно из мировоззренческих последствий отделения сексуальности от репродукции — реабилитация и нормализация нерепродуктивной сексуальности (мастурбация, оральные секс и многие другие сексуальные техники, заведомо не ведущие к оплодотворению и зачатию). Анти-сексуальные религии считают их не только греховными, но и «противоестественными». Между тем они массовы. Согласно данным последнего американского репрезентативного национального опроса (5865 респондентов от 14 до 94 лет) (NSSHB, 2010), одиноким самоудовлетворением в предыдущем году занимались 62 % 14–15-летних мужчин, у 25–29-летних цифра возрастает до 84 %, после чего медленно снижается, но даже после 70 лет составляет 46 %. У женщин соответствующие цифры — 40, 72 и 33 %. Среди опрошенных в 2006 г. французов, мастурбировали 90 % мужчин, причем начинают они очень рано, и 60 % женщин, которые начинают позже (Enquête sur la sexualité en France 2008; ср. Кон 2006). Весьма распространен и оральный секс: в 2010 г. 78 % тридцатилетних американцев «получали» и 69 % «давали» его своим партнерам.

Изменилось и само *понятие сексуальности*. В отличие от недавнего прошлого, когда сексуальность рассматривалась в рамках жестко фиксированных нормативных бинарных оппозиций (гетеро vs гомо, брачная vs внебрачная, нормальная vs извращенная), в которых второй полюс был заведомо «неправильным», современная культура, а вслед за ней и наука, понимает сексуальность как нечто пластичное, гибкое, текучее и подвижное: «пластичная сексуальность» Энтони Гидденса (Giddens 1992), «текучая любовь» (liquid love) Зигмунта Баумана (Bauman 2003), «сексуальная текучесть» (sexual fluidity) Лисы Даймонд (Diamond 2008). Хотя каждый из этих терминов имеет свои специфические значе-

ния, эти метафоры имеют общий смысл: сексуальные желания формируются в соответствии с индивидуальными потребностями, являются маркерами личной идентичности, их нельзя подгонять под общий стандарт. На бытовом уровне сексуальная индивидуальность присутствовала всегда, но культура стремилась эти различия минимизировать и нивелировать. Как сказал известный американский сексолог Милтон Даймонд, «природа любит разнообразие. К сожалению, общество его ненавидит».

Теория сексуального сценария (*sexual script*) различает в нем три уровня: социокультурный, индивидуальный и партнерский. Теперь норматив все чаще подстраивается под индивидуальные особенности, а вариации перестают считаться девиациями. В сексологической литературе давно уже говорят не о «человеческой сексуальности», а о сексуальностях во множественном числе. Эти идеи присутствуют и в современной психологии развития.

Частный случай этой трансформации — *нормализация однополой любви*. На индивидуально-бытовом уровне она существовала всюду и везде, но всегда оставалась маргинальной, причем не только по степени своей распространенности, что естественно (популяция, состоящая из одних гомосексуалов, обречена на вымирание), но и культурно-символически. В современном мире однополая любовь широко распространена. В рамках уже цитированного американского опроса (NSSHB, 2010), около 7 % женщин и 8 % мужчин называют себя геями, лесбиянками или бисексуалами, практический опыт однополого секса имеет большее число людей. Данные других опросов варьируют. Например, согласно международному Интернет-опросу, проведенному Би-би-си в 2005 г. (свыше 200000 респондентов, в основном из англоязычных стран), 90 % женщин считают себя гетеросексуальными, 7 % бисексуальными и 3 % лесбиянками; 91 % мужчин называют себя гетеросексуалами, 4 % бисексуалами и 5 % геями (Lipra 2007). В Англии в 2000 г. наличие гомосексуального опыта признали 6.7 % мужчин и 7.0% женщин (Coras et al. 2002). Доля француженок, признавших наличие опыта однополого секса, в 2006 г. составила 4 % (против 2.6 % в 1992 г.), у мужчин цифра осталась прежней — 4.1%, но число испытывающих однополое влечение женщин превышает число мужчин (6.2 % против 3.9 %) (*Enquête sur la sexualité en France 2008*).

Еще важнее сдвиги в нормативной культуре. Пока сексуальность трактуется как побочный продукт репродукции, однополая любовь неизбежно выглядит странной и противоестественной, противоречащей репродуктивному императиву и семейным ценностям. Хотя некоторые общества (например, античная Греция) выделяют ей собственную культурную нишу, в большинстве обществ она символизируется как грех,

преступление или болезнь. В Новое время положение постепенно изменилось. Во Франции, Бельгии, Нидерландах и Люксембурге декриминализация (отмена уголовного преследования) гомосексуальности произошла в начале XIX в., начиная с кодекса Наполеона (1810), в остальных странах Западной и Центральной Европы — между 1967 и 1978 гг., в России — в 1993 г. Депатологизация (гомосексуальность перестали считать психическим заболеванием) осуществилась в США в 1973 г., в 1990 г. эту точку зрения приняла ВОЗ, в 1995 г. к ней присоединилась Япония, в 1999 г. — Россия, в 2001 г. — КНР. Это стимулировало уравнивание инаколюбующих в гражданских правах. Страны ЕС считают опасными для демократических институтов и благополучия своих граждан не гомо- или бисексуальность, а гомофобию.

Новое понимание сексуальности обусловлено не только общим расширением сферы свободы, но и *новой философией телесности*, ослаблением дуализма тела и духа. Цивилизационный процесс раннебуржуазной эпохи означал усиление социального контроля и самоконтроля над телом. Если в начале XIX в. «воспитание чувств» подразумевало прежде всего умение владеть собой, то в XX в. стали акцентировать умения и способы самораскрытия и самовыражения. То и другое чревато издержками, но они разные.

Налицо не столько расширение границ допустимого и ослабление социального контроля, сколько *изменение его критериев* и методов. В демократических странах никто не запрещает и не навязывает людям ту или иную сексуальную технику, зато резко повысились нормативные, моральные и юридические требования к уровню добровольности, защите от виктимизации, прямого и косвенного сексуального принуждения социально слабых и незащищенных. Появились новые, неслыханные в историческом прошлом, возрастные ограничения, направленные на защиту детей (возраст согласия) и т. п. Это создает множество новых, неизвестных ранее социально-нравственных и юридических проблем и коллизий — защита ребенка от сексуальной эксплуатации может вступать в противоречие с его правом распоряжаться собственным телом, а платные сексуальные услуги не всегда легко отличить от торговли людьми, — причем отсутствие готовых и пригодных на все случаи жизни решений нередко воспринимается обществом как проявление аномии.

Гендерная революция

Социально-культурные сдвиги, которые первоначально выглядели как сексуальные, очень скоро переросли в революцию гендерную. Сексуальная революция XX в. была по преимуществу женской. Практически все поведенческие и дискурсивные перемены, которые ассоцииру-

ются с этим понятием, будь то снижение возраста сексуального дебюта, изменение характера партнерских отношений или отношения к эротике, выражены у женщин значительно сильнее, чем у мужчин.

Ослабление гендерной поляризации началось отнюдь не в постели, а в сфере общественного разделения труда (Кон 2009а). В доиндустриальном и индустриальном обществе рамки потенциального соперничества мужчин и женщин были социально жестко фиксированы. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого веками отработанные гендерно-специфические приемы и методы, но крайне редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины был другой мужчина, а соперницей женщины — другая женщина. Великосветские львицы бальзаковской эпохи были не менее энергичны, властолюбивы и жестоки, чем их мужья и любовники. Но в тех исторических условиях честолюбивая женщина могла сделать общественно-политическую карьеру только опосредованно, подыскав соответствующего мужа, а если она ростом (или происхождением) не вышла, — организовав своими, специфически женскими средствами, включая оболыщение всех его начальников, социальное продвижение своего избранника. Сегодня эти ограничения отпали. Женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках.

Современные мужчины и женщины открыто конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельности. В сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Женщины сравниваются с мужчинами и даже опережают их по уровню образования, от которого во многом зависит профессиональная карьера и социальные возможности. Мужчины утрачивают монополию на политическую власть. В том же направлении гендерного равенства, хотя с большим хронологическим отставанием и множеством этнокультурных вариаций, развиваются брачно-семейные отношения. Существенно изменился и характер социализации детей. Всеобщее школьное обучение, без которого невозможно подготовить детей к предстоящей им сложной общественно-трудовой деятельности, повышает степень влияния общества сверстников, а совместное обучение по общим программам подрывает гендерную сегрегацию и делает привычные представления о гендерных различиях способностей и интересов проблематичными.

Для патриархального сознания разговор о «конкуренции» мужчин и женщин равносителен концу света: женщина всегда была лучшим другом человека (английское слово the man обозначает одновременно «человека» и «мужчину»), какая тут может быть конкуренция?! Но лучший друг человек — это собака, которая все понимает, только сказать ничего не может. Если бы собака вдруг заговорила, сразу же выяснилось бы, что она понимает не все и не так, и стала бы она из нашего лучшего друга собакой. На протяжении веков мужчин больше всего раздражало в женщинах то, что они говорят слишком много и не то, что надо, но преодолеть этот женский «недостаток» мужчины так и не смогли. Вряд ли это удастся сделать сегодня.

Изменения в содержании и структуре гендерных ролей и идентичностей преломляются в социокультурных стереотипах, представлениях мужчин и женщин друг о друге и о самих себе. Хотя массовому сознанию нормативные мужские и женские свойства часто по-прежнему кажутся альтернативными и взаимодополнительными, принцип «или/или» уже не является безраздельно господствующим. Многие социально-значимые черты и свойства считаются гендерно-нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации. Темпы и глубина этой гендерной деполяризации крайне неравномерны в разных странах, социально-экономических слоях, социально-возрастных группах и среди разных типов мужчин и женщин, но общая тенденция сомнений не вызывает.

Как эти перемены сказываются на индивидуально-личностных свойствах мужчин и женщин? В обыденном сознании, а отчасти и в науке, эти процессы часто описываются негативно, в терминах «феминизации мужчин» и / или «маскулинизации женщин». Привести примеры того или другого не составляет труда, но никакой доказательной силы они не имеют. *Ослабление гендерной поляризации не отменяет полового диморфизма и не устраняет половых различий ни в личностных свойствах, ни в связанных с гендерной принадлежностью интересах и профессиональных предпочтениях* (см. Липра 2010), особенно в такой чувствительной области, как соотношение общественно-производственных и семейных функций. Отчасти эти различия коренятся в эволюционной биологии (материнский вклад выше отцовского, требует больших усилий и временных затрат, если женщины от этих функций откажутся, человечество вымрет), отчасти — в унаследованных от прошлого соционормативных ограничениях, отчасти — в привычных стереотипах массового сознания. Однако ведущими процессами стали *индивидуализация и плюрализация*, позволяющие мужчинам и женщинам выбирать стиль жизни и род занятий более или менее безотносительно к их половой принадлежности,

как в соответствии с традиционными нормативными предписаниями, так и вопреки им.

Подобно сексуальной революции, ломка исторического гендерного порядка порождает многочисленные социальные и психологические проблемы, причем мужчины и женщины испытывают давление в противоположных направлениях. Вовлеченные в общественное производство и политику женщины вынуждены развивать необходимые для конкурентной борьбы «мужские» качества (настойчивость, энергичность, силу воли), а мужчины, которые уже не могут опираться главным образом на власть и силу, — выработать традиционные «женские» качества — способность к компромиссу, эмпатию, умение ставить себя на место другого. Ничего сверхъестественного в этом нет, то же самое происходит в сфере межнациональных и межгосударственных отношений, где принцип господства и подчинения постепенно уступает место отношениям осознанной взаимозависимости, однако на почве нормативной неопределенности часто возникают конфликты, особенно острые в сфере брачно-семейных отношений.

Некоторым людям кажется, что раньше было лучше, когда именно «раньше» и кому именно «лучше», — не уточняется. Но гендерная революция необратима, история назад не ходит. Чтобы вернуть патриархальный порядок, даже если бы это было возможно политически, необходимо: а) радикально изменить разделение труда, убрав женщин из общественного производства, науки и образования; б) заставить семью жить на одну мужскую зарплату и в) полностью изменить женское самосознание, побудив женщин отказаться от своих социальных притязаний и принять традиционный статус слабого пола. Первого не выдержит экономика (женщины составляют больше половины рабочей силы), второго не вынесет семейный бюджет, а о третьем даже говорить смешно. Все это еще более нереалистично, чем мечты о восстановлении мировой колониальной системы или советско-российской империи.

Семейная революция

Брачно-семейные отношения — один из самых парадоксальных сюжетов современного общественного сознания. Практически все международные опросы общественного мнения показывают, что люди западного мира выше всего ставят семейные ценности. Современный человек недоверчиво относится к государству, не любит правящую бюрократию и отдает пальму первенства собственному семейному очагу. В то же время только ленивый не говорит о слабости и даже отмирании семьи. Противоречие? Или мы просто больше ценим то, чего уже нет и что стало дефицитом? Думаю, что вопрос сложнее.

Жалобы на слабость «современной семьи» (кстати, отнюдь не новые, вы найдете их и у Достоевского, и у немецких романтиков, и у французских просветителей, и у древнегреческих трагиков, и у библейских пророков) фиксируют прежде всего ее неустойчивость. Это действительно серьезная проблема, особенно когда речь заходит о воспитании детей. Но нестабильность отношений — прямое следствие ускорения ритма жизни и роста индивидуальной избирательности и вариативности. Самое благополучное общество по этому критерию — то, где господствует крепостное право: ни тебе легкомысленных переездов с места на место, ни текучести рабочей силы, ни разводов, ни завышенных притязаний — «каждый оставайся в том звании, в котором призван». Все однозначно решает добрый барин, а если он не особенно добрый, то все равно его Бог послал!

Современные семейные ценности весьма дифференцированы. По мере того как некоторые старые экономические и социальные функции семьи (семья как производственная единица, как ячейка потребления и как институт первичной социализации детей) отмирают или приобретают подчиненное значение, увеличивается ценность психологической близости между членами семьи, будь то супруги или родители и дети. Поскольку внутрисемейные отношения стали более интимными, повышается автономия и значимость каждого отдельного члена семьи. Такие отношения менее устойчивы, чем церковный брак или основанный на общности имущественных интересов буржуазный брак по расчету, именно потому, что они более индивидуальны. Переход от брака по обязанности или по расчету к браку по свободному выбору (в XXI в. даже короли отвоевали право жениться по любви) предполагает также возможность его расторжения по психологическим мотивам, что делает институт брака менее устойчивым. Кроме неодинаковой длительности любовных чувств у разных людей на статистику разводов влияет увеличение общей продолжительности жизни (раньше было меньше разводов, но многие семьи разрушались вследствие смерти одного из супругов и по другим причинам) и уменьшение размеров семьи: прожить вдвоем, не надоев друг другу, пятьдесят лет гораздо труднее, чем прожить 15–20 лет в большом семейном коллективе. Нельзя забывать и о бесчисленных соблазнах, которым подвергают современного зрителя электронные СМИ: по сравнению с идеальными образами телегероев наши реальные избранники сплошь и рядом выглядят недостаточно привлекательными.

Все эти сдвиги происходили в течение длительного времени, о них с 1976 г. пишет А.Г. Вишневский (Вишневский 2005). Но в последних трех поколениях они настолько ускорились, что социологи заговорили о настоящей «семейной революции», которая изменяет общество еще сильнее, чем сексуальная революция 1960–70-х гг. При когортном исследовании

трех поколений немцев (интервью с 776 30-ти, 45-ти и 60-летними мужчинами и женщинами в Гамбурге и Лейпциге) выяснилось, что более молодые мужчины и женщины вступают в брак реже и позже, чем это происходило раньше, а их браки чаще распадаются. Наряду с браком появились различные формы небрачных союзов. Из-за частого распада семей все больше детей воспитываются без участия одного из родителей. Брак утратил монополию на оправдание сексуальности и легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от семейного статуса и пола партнеров, а «семьей» считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитываются ли дети в одном или двух домохозяйствах (Schmidt et al. 2003). Аналогичные данные получены в Швеции и ряде других стран. В недавнем большом (около 20 тыс. респондентов) Интернет-опросе о сексуальном поведении немцев вопроса о брачном статусе даже не задавали ввиду его незначимости (другое дело — различие партнерских отношений и случайных, временных связей) (Drey et al. 2008)

Как показало первое общероссийское репрезентативное когортное демографическое исследование, проект «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2007; 2009), сходные тенденции существуют и в России. Как и на Западе, в России снижается роль зарегистрированного брака. С середины 1990-х гг. средний возраст жениха увеличился более чем на два года, а невесты — почти на два года. В то же время произошло снижение не только возраста сексуального дебюта, но и возраста установления первых партнерских отношений. Если в поколениях, родившихся перед войной и в 1940-е гг., первый партнерский союз к 20-летнему возрасту создавали менее 30 % женщин, то в поколениях, родившихся в начале 1970-х — почти 50 %. В общем, это закономерный коррелят или следствие снижения возраста сексуального дебюта, но эти отношения, как правило, остаются неформальными, регистрировать их не принято. «В молодом возрасте сожителство зачастую носит характер временного союза, основанного исключительно на сексуальном партнерстве, не претендующего на статус полноценной семьи, в которой предполагается рождение детей» (Захаров 2007: 126).

Добрачные сожителства и «пробные браки», разумеется, существовали и раньше, причем эта тенденция постоянно усиливалась. По подсчетам С.В. Захарова, в поколениях россиян, родившихся перед войной и формировавших свои семьи в 1950-х гг., не меньше 20 % мужчин и женщин к 30-летнему возрасту начинали свой первый партнерский союз с юридически неоформленных отношений. Однако у поколений,

родившихся после 1960 г., распространение неформальных отношений приняло взрывной характер. Сегодня не менее 25 % женщин к 20 годам и не менее 45 % к 25 годам отношений со своим первым партнером не регистрировали. Данные для мужчин подтверждают эту тенденцию: 40–45 % первых союзов — неформальные.

В клерикальных кругах это вызывает панику, но призывы прекратить дальнейшее распространение «незаконных сожительства» не находят сочувствия у молодежи. Консенсуальные или, как их теперь называют, гражданские браки (хотя изначально это понятие означало именно законный брак, в отличие от церковного) перестали считаться девиантными и стали привычным вариантом нормы. О них открыто говорят в прессе и по телевидению, «гражданские мужья» и «жены» публично ссорятся и судятся из-за детей и т. д.

Согласно репрезентативному всероссийскому опросу Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), 56 % россиян (а у людей в возрасте 18–35 лет — 71%) имеют среди своих знакомых или родственников пары, которые проживают совместно и ведут общее хозяйство, но не заключают официального брака. Осуждают таких людей только 18 % россиян, как правило, не первой молодости (среди респондентов старше 55 лет доля осуждающих составляет 32 %, а среди молодежи — только 9 %). Пятая часть опрошенных (21 %) одобряют пары, которые живут вместе без заключения официального брака, а еще 57 % относятся к ним нейтрально. С расхожим мнением: «когда мужчина и женщина проживают совместно, но не заключают официального брака, это означает, что они недостаточно уверены, что их брак будет удачным» — согласились 42 % опрошенных (столько же — 41 % — не согласились); но 63 % согласились также и с мнением: «если мужчина и женщина проживают совместно, ведут общее хозяйство, их можно считать мужем и женой, даже если они не заключили официального брака» (не согласились — 28 %) (Незарегистрированные браки 2008).

Вопреки опасениям традиционалистов, изменение формы брака не означает ни отмирания самого этого института, ни массового перехода россиян к «серийной моногамии». Среднее число «постоянных партнерств» на протяжении жизни у россиян невелико, а продолжительность их супружеской жизни, несмотря на увеличение количества разводов, «длинна, как никогда прежде» (Захаров 2007). Не сказывается эта трансформация и на рождаемости; внебрачные зачатия часто стимулируют юридическое оформление партнерских отношений.

Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности административно-бюрократического «регулирования» семейных отношений сверху. Однако юридическое оформление отноше-

ний не теряет значения и смысла. Не говоря уже о дополнительных правовых гарантиях, зарегистрированные брачные союзы даже в самых либеральных скандинавских странах статистически устойчивее незарегистрированных, и это отвечает интересам ребенка. Общая тенденция состоит в том, что если раньше оформление отношений предшествовало практике, то теперь отношения чаще начинаются с сексуальной близости, затем возникает домохозяйство и только после этого союз оформляется (или не оформляется) юридически. Впрочем, в разных странах и средах это происходит по-разному.

В современном браке гораздо больше гендерного равенства, «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. С.И. Голод зафиксировал это уже в 1970-х гг. (Голод 1984) Психологизация и интимизация супружеских отношений, с акцентом на взаимопонимание, несовместимы с жесткой дихотомизацией мужского и женского.

Это распространяется и на родительство. Международные сравнительные психологические исследования показывают не только кризис авторитарной модели отцовства, но и то, что индивидуальные свойства каждого родителя психологически важнее, чем их соответствие традиционным гендерным ролям и стереотипам (строгий отец и любящая мать) (Lamb, Tamis-Lemonda 2004). Различия индивидуальных родительских практик (parenting), которые раньше оценивались по тому, насколько они соответствовали традиционному поляризованному канону отцовства (fatherhood) и материнства (motherhood), в современном обществе все чаще признают естественными. Появились понятия «нового родительства» и «нового отцовства» (Майофис, Кукулин 2010). Иными словами, как и в сфере сексуальности, индивидуальные практики оказываются важнее абстрактных нормативных предписаний.

Одно из проявлений плюрализма в семейной жизни — *нормализация (принятие) нетрадиционных форм брака, семьи и родительства*. Раньше от этих категорий пренебрежительно отмахивались как от «неполноценных», «ненстоящих» или маргинальных, и это действовало как самореализующийся прогноз. Ритуальные заклинания малограмотных психологов, что одинокая мать не в состоянии «правильно» воспитать сына, не только не помогают материнским семьям преодолевать свои реальные трудности, но стигматизируют миллионы ни в чем не повинных детей. В демократических странах, для которых суть отношений важнее их формы, — государство само по себе не создает форм брака и семьи, а только легитимирует или не легитимирует их, — альтернативные формы брака внимательно изучают, стараются понять их специфические проблемы и помочь им максимально успешно воспитывать своих детей.

Это распространяется и на однополые семьи. В первом десятилетии нынешнего века однополые браки полностью узаконили 11 стран (Нидерланды, Бельгия, Испания, ЮАР, Канада, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, Аргентина и Мексика), во многих других странах, чтобы избежать конфессиональных конфликтов, их легитимируют под другими названиями, типа «гражданских партнерств». Никаких сомнений относительно будущего этот тренд не оставляет.

Разумеется, ситуация в разных странах неодинакова, причем многое зависит от характера конкретной проблемы. Например, отношения отцов и детей после развода родителей в России и во Франции выглядят весьма сходными (Прокофьева, Валетас 2000). В то же время, сравнивая нормативные взгляды россиян и французов на семью, В.С. Магун нашел, что при наличии общих проблем и тенденций развития россияне по многим вопросам консервативнее французов, заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошел у них на 20 лет позже, чем во Франции (Магун 2009).

Далеко не все российские проблемы порождаются консерватизмом массового сознания. Нынешние российские власти по многим вопросам консервативнее человека с улицы и действуют по правилам Вороньей слободки: «как захочем, так и сделаем». Достаточно вспомнить официальную позицию лужковской Мосгордумы, что «безопасного секса не бывает», а единственная защита от ВИЧ — полное половое воздержание до брака, призывы РПЦ восстановить мужское верховенство в семье или уподобление гомосексуальности клептомании (не буду напоминать, кто и где это сказал). Но, в отличие от фольклорной избушки на курьих ножках («Баба-яга проект»), современное общество щучьему веленью не подвластно. Безответственные и нереалистические проекты создают эффект бумеранга и только усугубляют социальные трудности.

Главный сдвиг в брачно-семейных отношениях, на мой взгляд, заключается в изменении *критериев оценки*: формальные количественные (например, продолжительность брачного союза) и объективные (например, наличие детей) показатели сменяются качественными. На первый план выходит понятие *субъективного благополучия* (*subjective well-being*), которое занимает центральное место во всех общественных и гуманитарных науках. Счастливой считается лишь та семья, в которой хорошо всем ее членам. Этот же критерий действует и при сравнительной оценке социальных систем и человеческих сообществ.

Традиционалисты обвиняют современный мир в безнравственности. Кстати, подобные обвинения адресовались любому реально существовавшему обществу, которое никогда не соответствовало своему «славному прошлому». Это точно знали и древние римляне, и древние египтяне.

Но о какой морали идет речь? Обеспечить счастье и удовлетворенность жизнью всем своим согражданам не может никакой общественный строй. При патриархальном сексуальном, гендерном и семейном укладе жизнь казалась проще, потому что на все случаи существовали однозначные (лишь на первый взгляд) правила, освобождавшие индивида от тяжелого бремени выбора и личной ответственности. Но монополия на толкование этих норм всегда принадлежала жрецам и иным представителям властной элиты, для конкретных же индивидов они были прокрустовым ложем. «Первый и единственный принцип сексуальной морали — обвинитель всегда неправ», — иронически заметил Теодор Адорно (цит. по Davenport-Hines, Phipps 1994: 367).

Принципы современного мира — ответственность и толерантность — предполагают гораздо большую социально-нравственную активность и самостоятельность индивидов. Насколько это социологически реально и эффективно — большой вопрос, эмпирические данные на сей счет противоречивы. Но другого пути нет. Жить в сегодняшнем мобильном и изменчивом мире по понятиям воображаемого прошлого люди не захотят и не смогут.

Литература

Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В двух томах. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005.

Голод С.И. Стабильность семьи. Социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.

Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования / Сб. аналитических статей. Вып. 1. Под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75–126.

Кон И.С. Сексология / Уч. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004.

Кон И.С. Новое о мастурбации // Андрология и генитальная хирургия. 2006. № 1. С. 15–22

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009а.

Кон И.С. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009б.

Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Время, 2010.

Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования / Сб. аналитических статей. Вып. 2. Под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2009.

Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 1–2. Январь-апрель.

Незарегистрированные браки: семья и дети. 24.07.2008 [отчет] [Опрос населения] // http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/civ_marr/d082924.

Прокофьева Л., Валетас М.-Ф. Отцы и дети после развода // *Население и общество*. 2000. № 50. Ноябрь

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования / Сб. аналитических статей. Вып. 1. Под ред. Т.М. Малевой, О.В. Сиянской. М.: НИСП, 2007.

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования / Сб. аналитических статей. Вып. 2. Под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Сиянской. М.: НИСП, 2009.

Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. London: Polity press, 2003.

Buss D.M. Sexual strategies theory: historical origins and current status // *The Journal of Sex Research*. 1998. Vol. 35. No 1. Pp.19–31.

Copas A.J., Wellings K., Erens B., Mercer C.H., McManus S., Fenton K.A., Korovesis C., Macdowall W., Nanchahal K., Johnson A.M. The accuracy of reported sensitive sexual behaviour in Britain: exploring the extent of change 1990–2000 // *Sex Transm Infect*. 2002. Feb. 78 (1). Pp. 26–30.

Davenport-Hines R., C. Phipps. Tainted love // *Sexual Knowledge, Sexual Science. The History of Attitudes to Sexuality* / Porter R., Teich M. (eds.). Cambridge University Press, 1994.

Diamond L.M. Sexual Fluidity: Understanding Women's Love and Desire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008.

Drey N., Pastoetter J., Pryce A. Sex-Study 2008 — Sexual Behaviour in Germany. DGSS and City University London in Collaboration with ProSieben. Duesseldorf-London, 2008.

Enquête sur la sexualité en France. Pratiques, genre et santé. Coordonnée par Nathalie Beltzer, préface de Maurice Godelier. Paris: Editions La Découverte, 2008.

Giddens A. The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. L.: Polity Press, 1992.

Lamb M.E., Tamis-Lemonda C.S. The role of the father: An introduction // Lamb M.E. (ed.) *The Role of the Father in Child Development*. 4 ed. NY: Wiley, 2004.

Lippa R.A. The preferred traits of mates in a cross-national study of heterosexual and homosexual men and women: An examination of biological and cultural influences // *Archives of Sexual Behavior*. 2007. Vol. 36. Pp. 193–208.

Lippa R.A. Sex differences in personality traits and gender-related occupational preferences across 53 nations: Testing evolutionary and social-environmental theories // *Archives of Sexual Behavior*. 2010. Vol. 39. No 3. July. Pp. 619–636.

The National Survey of Sexual Health and Behavior (NSSHB) // *Journal of Sexual Medicine*. 2010. Vol. 7. (suppl 5). Special Issue. Oct. 1.

Schmidt G., Starke K, Matthiesen S., Dekker A., Starke U. Beziehungsformen und Beziehungsverläufe im sozialen Wandel. Eine empirische Studie an drei Generationen, Teil 1 // *Zeitschrift für Sexualforschung*. 2003. Jg. 16. H. 3. Ss. 195–231.

Schmitt D.P. Universal sex differences in the desire for sexual variety: tests from 53 nations, 6 continents and 13 islands // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 85. No 1. Pp. 85–104.